

Н. А. Папковская

ПОЭЗИЯ КАК СРЕДСТВО: ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

Традиционная силлабо-тоническая рифмованная форма стихотворения в массовом сознании максимально отделена от реальности: ритм и рифма не свойственны людям в повседневной речи, а форма «в столбик» выделяется из визуально привычного текстового ряда. Это возводит в глазах массовой публики стихотворение, даже самое любительское, на уровень искусства. Искусство же, не поддаваясь рационализации и прямолинейному толкованию, вызывает чувство недосыгаемости (именно это его свойство Вальтер Беньямин назвал «аурой» [2, с. 83]), что влечет надделение искусства в понимании масс сакральным статусом.

Исследователями неоднократно отмечалось «народное» происхождение поэзии в интернет-пространстве (как и фольклору, ей свойственна анонимность, нацеленность «на хранение и передачу» [3, с. 320], т. е. на воспроизведение штампов, а не на создание нового). Именно поэтому интернет-авторы ориентируются на массового читателя, апеллируют к поверхностному, обывательскому пониманию искусства и к привычным массам традиционным формам. Опора на такое упрощенное понимание превращает их тексты в схему, набор легко распознаваемых клише. Одно из наиболее распространенных среди них – представление о поэте как о непонятой одинокой личности, а о его поэзии – как о свидетельстве его инаковости, чувствительности, избранности. Такое представление восходит еще к эпохе романтизма и остается тиражируемым до сих пор. Лирическим героем текстов интернет-авторов чаще всего является поэт, и как раз в романтическом понимании: это или предельно возвышенный герой-художник, или одинокий и неприкаянный байронический герой.

В условиях такой однообразной трактовки лирического героя сами стихи (или процесс их написания, или связанные с ними элементы – метафора, строфа, строка, рифма) чаще всего упоминаются только как аксессуар, украшение, придающее ореол предельной романтичности. Можно говорить о том, что в интернет-поэзии стихи становятся *эмблемой*, которая «тонко намекает на тот смысловой объем, который осуществляется при ее участии» [5, с. 416]. Совокупность смыслов, которые скрываются за эмблемой стиха, включает

в себя чувственность, трагичность, возвышенность лирического героя, что ярче всего проявляется в исповедальной любовной лирике: «... лето уйдет, но реинкарнируется стихами, / в которых каждое слово, каждая буква – ты», «писать о тебе – / это сродни подковке блохи. / мне кажется, что в прошлом / ты была королевой магnezии. / и если твои губы – не самые лучшие в мире стихи, / то они просто выше поэзии» (Евгений Соя)¹; «по утрам варить тебе кофе / посвящать тебе все свои стихи / как Маяковский или Прокофьев, / или Бетховен, что был глухим» (Иван Пинженин); «но я помню тебя, как стихи, наизусть. / я помню тебя. / ты словно часть речи», «я обвожу пальцами / каждую строчку / из книги твоего тела. / знаешь, / я просто хочу / знать эти стихи / наизусть», «и я один в холодной квартире душу стихами лечу...» (В. Понкин).

Устойчивое использование такой эмблематики, упоминание стихов исключительно с целью подчеркнуть возвышенно-поэтическую сущность лирического «я» сужает поэтическое разнообразие до определенной модели и ограничивает потенциально бесконечные способы интерпретации поэтического текста. Стихи и связанные с ними элементы становятся не более, чем декорацией, на фоне которой на первый план выступает лирический герой.

В то же время поэтическая, творческая сущность этого героя постоянно напоминает и подчеркивается: «я – стихи! ты знаешь цену им?..», «а когда пройдут десятки лет, / ты в моих стихах найдешь спасенье! / это от того, что я – поэт! / чем не повод для стихотворения?..» (Ах Астахова); «Но за каждый непрожитый день. / И за каждый прожитый стих. / Я готов заплатить вдвойне. / Только б голос мой не затих», «у нас с тобой разные взгляды на лето: / ты – перед ящиком в душном пространстве, / а я, как и подобает поэту, / странствую» (Иван Пинженин); «И ждатель, когда солнце сквозь шторы зайдет к обеду, / И думать, с тоскою поэта, как мир мне мал» (Аля Кудрявцева); «Задумывалась лисичкой, а выросла – серым волком. / Но я остаюсь все той же – по горло в своих стихах» (Дарёна Хейл) (курсив наш. – Н. П.).

Чтобы объяснить эту принципиальную позицию «я-поэт», нужно снова обратиться парадигме романтизма, в которой творчество мыслилось высшей формой человеческой жизни. Поэт понимался как фигура исключительная,

¹ Здесь и далее тексты цитируются по публикациям в официальных группах поэтов в социальной сети «ВКонтакте»: Ах Астахова – <https://vk.com/ah.astakhova>; Евгений Соя – <https://vk.com/yessoia>; Марина Кацуба – <https://vk.com/marinakacubapoetry>; Иван Пинженин – <https://vk.com/pinshenin>; В. Понкин – <https://vk.com/v.ponkin>; Аля Кудрявцева – <https://vk.com/club168926673>; Дарёна Хэйл – <https://vk.com/darenahale>.

воспринимался как пророк, творец, приближенный к вечности. Этот ореол избранности и надобыденности по отношению к художнику и «сакральный статус» поэтического творчества [6, с. 9] до сих пор закреплен в массовом сознании и оказывается привлекательным для эксплуатации сетевыми авторами. Более того, и для читателей тоже, что приводит к появлению в комментариях к текстам интернет-авторов множества стихотворений-откликов от поклонников их поэзии. Так происходит прикосновение народа читающего к народу «поэтическому» [1, с. 84].

Из эпохи романтизма и концепции богоизбранности поэта-творца происходит также идея произвольности написания стихотворений: они либо возникают ниоткуда («пишутся», «рождаются»), либо навеяны, продиктованы чем-либо: «ты сегодня снова не придешь – / *сами рифмы на тетрадь ложатся!*», «Сохрани мое имя, / И прости нерожденных детей: / *Ветер шепчет стихи мне, / Что надежду вселяют в людей*» (Ах Астахова), «Можно стихи или выпросить, или выклянуть. / Я же люблю *случайно поймать стихи*», «Скоро же опять проснусь никаккой: / Ни рубля за душой, ни строки. *Небо, вдохнови меня на покой. / Ветер, вдохнови меня на стихи*» (Марина Кацуба). При этом далеко не всегда «самозарождение» стихов сопровождают высокие образы, часто (возможно, по недосмотру авторов, невнимательных к требованиям стиля) возникают сниженные образы: «Я бы сожрала твою горловую чакру, друг, / чтобы суметь из себя хоть две строчки вылевать» (Марина Кацуба), «я наблевал новый стих. / да, я блюю стихами...» (Евгений Соя), «снова вывалилось на тетрадь / тридцать шесть моих стихотворений» (Ах Астахова).

Указанные мифопоэтические особенности выполняют две основные функции. С одной стороны, утверждение стихийности творчества позволяет в очередной раз подчеркнуть надобыденность поэзии, укрепить в массовом сознании романтический миф о поэте как о Гении, Избранном, Ином, связанном с недоступными обывателю сущностями, которые и диктуют стихи. То есть, по сути, утвердить такое представление о самом себе и собственных стихах, повысить их значимость. С другой стороны, такой подход (вместе с анонимностью или использованием псевдонимов) полностью снимает с автора ответственность за произведение: если поэт представлен только как медиум, то его задача – «просто извлечь и записать на бумагу» [4]. Таким образом, интернет-поэт оказывается в максимально выгодном положении, так как представление поэзии как произвольного процесса предотвращает любую попытку критики, защищает автора от строгой оценки.

Литература

1. *Аронсон, О.* Народный сторреализм / О. Аронсон // Синий диван. – 2006. – № 8. – С. 84–97.
2. *Беньямин, В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Краткая история фотографии. – Москва, 2015. – 168 с.
3. *Верина, У. Ю.* Интернет-поэзия и фольклор: штрихи к портрету «поэтического народа» / У. Ю. Верина // Фалькларыстычныя даследаванні: Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб. навук. арт. / рэдкал.: Р. М. Кавалёва [і інш.]. – Мінск, 2011. – Вып. 8. – С. 319–323.
4. Интервью: Евгений Соя [Электронный ресурс] // Geometria. – Режим доступа: <https://geometria.ru/blogs/culture/87911>. – Дата доступа: 18.04.2019.
5. *Михайлов, А. В.* Языки культуры: учеб. пособие по культурологии / А. В. Михайлов. – Москва: Яз. рус. культуры, 1997. – 912 с.
6. *Ракитина, Е. Б.* «Поэтический народ» в контексте русскоязычной интернет-поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. Б. Ракитина. – Саратов, 2008. – 22 с.